

О ПРАВООТНОШЕНИИ ОБЩЕЙ ДОЛЕВОЙ СОБСТВЕННОСТИ, ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ЧЛЕНОВ СЕМЬИ И О МНОГОМ ДРУГОМ

Научный вклад профессора Раисы Петровны Мананковой в отечественную цивилистическую доктрину

Уважаемый читатель, мы собрали для Вас в этой книге основные научные работы профессора Томского государственного университета, доктора юридических наук Раисы Петровны Мананковой.

Мне посчастливилось общаться с ней и учиться у нее, и я могу с гордостью сказать, что знакомство с этим замечательным человеком – одна из самых больших моих удач. Раиса Петровна – настолько мудрый, глубокий и разносторонний человек, что с ней всегда хочется обсуждать не только самые важные вопросы философии, правовой доктрины и законодательства, но и события в экономике, политике, социальные преобразования. Ее советы всегда бесценны.

Поэтому мне бы хотелось рассказать не только о замечательных трудах проф. Мананковой, ее вкладе в отечественную цивилистическую науку, но и о ее неоценимом вкладе в нас, ее учеников.

Официальная биография проф. Мананковой гласит, что в 1964 г. она была переведена на работу ассистента кафедры гражданского права и процесса Томского государственного университета «по распоряжению руководящих органов», когда после окончания университета проработала несколько месяцев в Томской областной коллегии адвокатов. Спустя несколько десятилетий надо признать, что эти руководящие органы оказали неоценимую услугу всей сибирской юриспруденции, да и отечественному частному праву – благодаря преподавательскому и научному таланту Раисы Петровны когорты российских юристов пополнилась прекрасными судьями, адвокатами, а наша доктрина гражданского и семейного права обогатилась ее работами и работами ее учеников.

О научных трудах профессора Мананковой

В 1967 г. Р.П. Мананкова поступила в очную аспирантуру и уже с 1968 г. начала активно публиковать статьи и доклады по проблемам

института общей долевой собственности. В 1970 г. Раиса Петровна защитила кандидатскую диссертацию на тему «Правоотношение общей долевой собственности граждан по советскому законодательству» под руководством профессора Томского государственного университета Бориса Лазаревича Хаскельберга. Написанная по итогам этой работы монография, выпущенная в 1977 г. издательством ТГУ, заложила основы современной доктрины в области отношений долевой собственности и по сегодняшний день продолжает оставаться базовой научной работой, на идеях которой строится понимание института долевой собственности и того феномена, который вслед за немецким *Stockwerkeigentum* стало модно называть поэтажной собственностью.

В книге, которую Вы держите в руках, опубликован текст монографии проф. Мананковой «**Правоотношение общей долевой собственности граждан по советскому законодательству**» (1977 г.).

Приступая к ознакомлению с ней, современному читателю надо учесть, что на первых страницах всех научных исследований тех лет, в особенности исследований в области гуманитарных наук, в обязательном порядке цитировались политические документы, без упоминания о которых работа не могла быть принята издательством. Однако весь последующий материал этой монографии никоим образом с этой политикой не связан и представляет собой детальный анализ правового института долевой собственности.

Во введении Раиса Петровна подмечает, что «практический интерес для носителей всякого права имеет не само по себе право, а результат его реализации», и этой методологии проф. Мананкова придерживается во всех своих трудах, более того, и от своих аспирантов и докторантов она требует именно этого — анализа правового феномена в его действии.

Поэтому в этой монографии не найти абстрактных, не дающих практического результата суждений, например, о соотношении субъективных прав и частей субъективных прав. Здесь анализируются правовые возможности субъекта, состоящего внутри множественности лиц, ставших собственниками одной вещи по своей воле или помимо нее. Такой субъект хочет лишь знать, как он может присвоить соответствующее материальное благо, а также как покинуть эту множественность на возможно более выгодных условиях, и ответы на эти вопросы в монографии Р.П. Мананковой сформулированы весьма убедительно.

Практическая направленность суждений автора не отменяет того, что эта монография представляет собой часть отечественной доктрины права собственности. Достаточно лишь ознакомиться с обоснованием

концепции доли в праве собственности, наиболее выпукло показанной применительно к принятию решений сособственниками — «доля в этом смысле выполняет функцию меры, согласно которой устанавливаются границы возможного поведения участников общей долевой собственности».

Если читатель хочет узнать о том, как в нашем юридическом обиходе появились выражения «идеальная доля», «реальная доля», а также понять, что означал в советском праве «реальный раздел» общей долевой собственности, то работа Р.П. Мананковой — лучший источник информации об этом.

Современному поколению юристов неведом раздел жилого дома в натуре, ведь сейчас мы обсуждаем в основном соотношение понятий «строение» и «помещение». Из этой книги можно узнать, что советское право допускало «индивидуализацию» обособленных частей дома в случаях, когда распались семьи, приобретающие или строившие такие жилые дома (дома, весьма незначительные по размеру, ведь в силу ст. 106 Гражданского кодекса РСФСР 1964 г. предельный размер жилого дома или его части (частей), принадлежащего гражданину на праве личной собственности, не должен был превышать 60 кв. м жилой площади). Однако, знакомясь с этой монографией, можно с удивлением для себя обнаружить, что советские суды допускали раздел в натуре не только тех небольших домов, которые могли принадлежать гражданам (возлагая при этом на сторон спора обязанность по переоборудованию дома для обеспечения раздельного пользования им), или небольших квартир, но и раздел в натуре коридора (!) или кухни в коммунальной квартире. Обратите внимание на дело о «реальном разделе» кухни, завершившееся установкой перегородки и присвоением каждым собственником площади размером 2,4 кв. м.

Одним из самых ярких моментов в этой замечательной монографии является обоснование природы отношений между несколькими лицами, создающими один объект. Следует отметить, что для подавляющего большинства отечественных ученых и практиков эта природа была весьма туманной десятки лет. Однако же те, кто ознакомился с работой Р.П. Мананковой, вышедшей, подчеркнем, еще в 1977 г., безоговорочно соглашались с доводами автора, обосновавшего наличие в этом случае товарищеского правоотношения.

Позволю себе процитировать самое важное ее суждение в этой части: «Юридической формой, опосредствующей совместную деятельность граждан по созданию объектов на праве общей собственности, является договор о совместной деятельности (ст. 434—437 ГК).

В договоре получает выражение намерение сторон создать вещь на праве общей долевой собственности. Однако одного волеизъявления для возникновения права общей собственности недостаточно; из договора стороны хотя и приобретают определенные права и обязанности, но это еще не собственнические юридические связи, которые возникнут, когда в результате исполнения договора будет создана вещь».

В отличие от подавляющего большинства советских юристов Р.П. Мананкова не отождествляет договор и документ, в котором выражены условия договора, т.е. в приведенной цитате она имеет в виду также и договор, заключенный между гражданами в устной форме (в работе упоминаются также «договоренности» между гражданами).

Остается лишь сожалеть, что не все представители судебной системы изучали эту интереснейшую работу, иначе чем объяснить те весьма скромные аргументы, с помощью которых в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 31 июля 1981 г. № 4 «О судебной практике по разрешению споров, связанных с правом личной собственности на жилой дом» обосновывалось возникновение доли в праве общей собственности на построенный жилой дом у тех лиц, которые «оказывали содействие застройщику».

В то же время, как видится, интуитивно судебная система всегда признавала в такого рода случаях товарищеское правоотношение. На страницах работы приводится совершенно потрясающий пример из практики районного суда г. Томска за 1968 г.: гражданка обратилась с иском к своей дочери о разделе совместно нажитого имущества и передаче в ее собственность радиолы, швейной машины и комода. Дочь возражала, указывая, что в период их совместного проживания мать не работала и имущество приобреталось на зарплату ответчицы. Суд указал, что «раздел имущества между сторонами в равных долях произведен быть не может, поскольку основным денежным доходом была лишь зарплата ответчицы».

В современной судебной практике встречаются споры между так называемыми фактическими супругами, и для решения этих споров есть годный инструмент — правила ГК РФ о простом товариществе. Применить эти нормы можно, обосновав сделочную природу отношений между «фактическими» супругами. Вряд ли районный суд г. Томска обосновывал в 1968 г. товарищеское правоотношение между матерью и дочерью, проживающими совместно. Хочется надеяться, что на этом фоне современный читатель задумается о границах института простого товарищества.

Прочитав монографию проф. Мананковой, можно также понять, откуда проистекает в современном отечественном праве сочетание «индивидуальной собственности» на квартиру и общей собственности всех обладателей квартир.

Ошибочно было бы считать, что идея о необходимости назвать собственников квартир также собственниками несущих стен, перекрытий и прочих элементов дома появилась в отечественной доктрине только в начале 90-х гг., т.е. в период активной приватизации жилых помещений, ранее находившихся в государственной собственности. Нелепо полагать, что до новейших времен отечественный правопорядок не умел решать споры собственников квартир, а нынче только опыт немецкого права годится для регулирования отношений между ними.

Раиса Петровна Мананкова еще в 1977 г. пишет о том, что все элементы многоквартирного дома — фундамент, крыша, лестницы и проч. — принадлежат на праве собственности «всем участникам колллектива» и рассказывает читателю о том, что впервые о праве общей собственности на имущество многоквартирного дома было упомянуто в Положении о жилищно-строительных коллективах индивидуальных застройщиков, утвержденном Постановлением Совета Министров РСФСР от 9 июля 1959 г. № 1184.

Значит, так называемая поэтажная собственность — правоотношение, известное и советскому правопорядку.

Разумеется, это правоотношение встречалось не настолько часто, как сейчас, когда практически каждый россиянин является его участником. Это сегодня не вызывает сомнений принадлежность собственникам квартир прав на земельный участок, на котором расположен многоквартирный дом. Однако и до появления права собственности граждан на землю Р.П. Мананкова убедительно доказывает, что необходимый для использования жилья земельный участок принадлежит собственникам квартир на праве общей долевой собственности и входит в состав их общего имущества.

Вызовет интерес читателя та часть монографии, где описывается состоявшийся в советском праве переход от принципа большинства к принципу единогласия при принятии решений о владении, пользовании и распоряжении общим имуществом. Автор рассказывает об истории решения этого вопроса в Германии, Швейцарии, других странах, а также о том, что может представлять собой решение суда, принятое по иску меньшинства. Такое решение «нельзя признать равнозначным общему согласию сособственников. Обязательная сила решения суда проявляется в данном случае в том, что сособственники должны испол-

нить его независимо от своей воли, а это не может пониматься иначе как ограничение права». Представляется, что этот вывод невероятно актуален сегодня для корпоративных правоотношений, в особенности интересен он будет тем ученым, кто разрабатывает концепцию решения суда, «замещающего» волю члена корпорации.

Применительно к осуществлению собственником своей волей и в своем интересе имеющихся у него правовых возможностей вызывает интерес проблема правомочности производства таким собственником улучшений общего имущества. Талантливый цивилист, Р.П. Мананкова, даже будучи в тисках господствующей идеологии, заявляет в 1977 г., что улучшение общего имущества обычно влечет увеличение его стоимости, а значит, «в случае продажи за улучшенное имущество будет выручена большая сумма, но распределяться между всеми участниками она будет пропорционально долям, размеры которых определены без учета произведенных затрат на улучшения». Она доказывает, что собственнику не может быть запрещено производство улучшений вещи, даже если остальные собственники не имеют в этом никакого интереса.

Феномен преимущественного права покупки тоже проанализирован в работе Р.П. Мананковой. Она высказывает в этой части монографии блестящую мысль: «Значение права преимущественной покупки заключается не только в том, чтобы обеспечить собственнику возможность предотвратить появление нежелательных соседей, а, главным образом, в том, чтобы удовлетворить материальные и духовные потребности собственников, облегчить приобретение имущества в рамках того же правоотношения».

Значит, правоотношение общей долевой собственности неустойчиво, а потому маложелательно для гражданского оборота, оно стремится к прекращению путем последовательного сокращения числа лиц, состоящих в этой множественности. Взять на заметку эту идею можно и тем, кто исследует сегодня совместное обладание исключительным правом.

Кстати, в современных работах, посвященных преимущественному праву покупки, редко анализируется судьба сделки, заключенной с добросовестным третьим лицом вопреки требованию о преимущественном праве. В работе Р.П. Мананковой можно найти весьма интересные выводы на этот счет, как и насчет института преобразовательных исков.

Спустя 20 лет труда на кафедре гражданского права и процесса Томского университета Р.П. Мананкова защитила в Московском госу-

дарственном университете докторскую диссертацию на тему «Правовой статус члена семьи: цивилистический аспект». Этому событию предшествовала подготовка большого количества научных работ, посвященных положению отдельных членов семьи, системам родства, правовым последствиям возникновения родственных и семейных связей, а также категории правового статуса (модуса). В их числе и изданная в 1985 г. монография **«Правовые проблемы членства в семье»**, включенная в это издание. В нем мы публикуем также монографию **«Правовой статус членов семьи по советскому законодательству»** (1991 г.). Обе эти работы по сей день продолжают оставаться настольными книгами для всех, кто всерьез занимается семейным правом.

Ученые, которые исследуют правовое положение физической личности и анализируют отечественную правовую доктрину в этой части, должны взять на вооружение не только работы С.Н. Братуся, Н.В. Витрука, Н.И. Матузова, но и труды Р.П. Мананковой, ознакомившись с которыми, они смогут получить исчерпывающее представление о том, как в отечественной доктрине сформировались категории общей и специальной правоспособности, правового статуса, а также какое значение придается в нашем праве этим понятиям.

В каждом современном учебнике по отечественному семейному праву можно прочитать, что наше законодательство пестрит терминами — «члены семьи», «бывшие члены семьи», «лица, приравненные к членам семьи», однако исходное понятие «семья» не определено. Но не каждый автор ссылается при этом на ученого, первым описавшего эту проблему и давшего членству в семье исчерпывающую правовую характеристику. Сделала это Р.П. Мананкова, более того, именно она сформулировала то определение понятия «семья», которое лежит в основе всей современной семейно-правовой доктрины.

В ее монографии «Правовой статус членов семьи по советскому законодательству» справедливо отмечается, что все законодательные акты, так или иначе упоминающие о членстве в семье, несовершенно, но «безупречный в идеале закон и не может появиться, пока не будут определены хотя бы исходные понятия «семья» и «член семьи»».

Параграф 2 главы 1 этой монографии, который называется «Семья как объект исследований в общественных науках», не утратил своей актуальности спустя ровно 30 лет после первого выхода в свет этой работы. Именно из этого параграфа читатель узнает, каковы философские, экономические и социологические предпосылки правового анализа семейных связей. Р.П. Мананкова стала одним из первых правоведов, строивших свои выводы на базе демографических и со-

циологических исследований, которые, как показано в этой работе, свидетельствуют о разбросе подходов к пониманию сущности семейных отношений.

Общий быт, совместное проживание – насколько были важны эти критерии в конце XX в. для признания коллектива физических лиц одной семьей? Представляется, что особенно интересно будет прочитать об этом юристу XXI в., интересующемуся генезисом правового понятия семьи.

В отличие от иных цивилистов и представителей науки семейного права проф. Мананкова не говорит о раздельности понятий «гражданская правоспособность» и «семейная правоспособность» – в ее работе обосновывается специальная правоспособность члена семьи, реализуемая в рамках жилищных, социальных, личных неимущественных и иных правоотношений. Благодаря этому подходу, заложенному в 1990 г. Раисой Петровной, нашей науке семейного права в дальнейшем удалось избавиться от идеологических наслоений, диктовавших необходимость обоснования самостоятельности всех семейно-правовых категорий, и сосредоточиться на практическом значении тех особенностей правового статуса физической личности, которые предопределены состоянием в семейной связи.

Значительная часть работы «Правовой статус членов семьи по советскому законодательству» представляет собой новый этап развития учения об алиментном обязательстве, основы которого в советском праве были заложены А.И. Пергамент. В 1990 г. проф. Мананкова пишет о том, над чем продолжают работать специалисты по семейному праву и сегодня, – о необходимости расширения круга алиментно-обязанных лиц, о размере платежа по алиментному обязательству, о понятии «нуждаемость».

Продолжает оставаться актуальным многое из написанного в этой монографии – например, слова о том, что «взыскание алиментов в процентном отношении или в твердой денежной сумме в целом отрабатано, теперь нужно искать возможность, во-первых, для активизации участия обязанного лица в многоплановом содержании управомоченного, а во-вторых, для выработки правовых форм овеществления сумм алиментов». Прошло 30 лет, и законодатель начал работу над этим заданием – в течение последних двух лет Министерство юстиции РФ разрабатывает законопроект, согласно которому в качестве дополнительных расходов на содержание ребенка в соответствии со ст. 86 Семейного кодекса РФ будут взыскиваться суммы, необходимые для обеспечения ребенка жилищем.

Справедливы применительно к сегодняшнему дню и написанные тогда проф. Мананковой слова о том, что участники алиментных правоотношений «в большинстве своем уже испытывают нарастающее социальное напряжение, обусловленное ситуацией экономического кризиса... следовало бы закрепить в законе право гражданина на получение суммы, гарантирующей ему прожиточный минимум, с необходимой индексацией». Отвечают ли действующие положения раздела V Семейного кодекса РФ этому стандарту?

Увы, последователям Р.П. Мананковой до сих пор не удалось должным образом проработать и еще одну поставленную ею в 1990 г. задачу: «В научной дискуссии можно было бы обсудить вопрос о возможности перехода алиментной обязанности в порядке наследственного преемства». Автор ссылается на опыт зарубежного законодательства и сопоставляет с институтом обязательной доли гипотетическую возможность включения алиментной обязанности в состав наследственной массы.

На фоне тех коренных социально-экономических преобразований, которые произошли на рубеже XX–XXI вв., представляется необходимым вернуться к обсуждению этого вопроса, не только заново оценив размер обязательной доли и определив круг наследников, которые могут на нее претендовать, не только подумав о правовых формах содержания управомоченного лица после смерти обязанного лица, но и еще раз переосмыслив социально-экономическое назначение алиментного обязательства и основания его возникновения.

Та часть монографии «Правовой статус членов семьи по советскому законодательству», которая посвящена жилищным отношениям с участием членов семьи, содержит в себе идеи, отчасти получившие развитие в современном жилищном праве, в том числе применительно к правовому положению членов семьи собственника жилого помещения и к проблеме так называемых бывших членов семьи собственника. Немало идей, адресованных будущей правовой системе, содержит и § 3 главы 4 «Проблемы семьи в связи с приобретением квартиры в собственность», написанный в то время, когда Закон о приватизации жилищного фонда еще не существовал даже в виде проекта.

Интерес читателя, безусловно, вызовет глава «Члены семьи как субъекты правоотношений собственности», где такие отношения анализируются как «формирующиеся и развивающиеся в соответствии с курсом на оздоровление экономики».

Чтобы почувствовать состояние переходной эпохи, достаточно прочитать сказанные автором в 1990 г. слова: «Регламентация отношений собственности на союзном уровне нестабильна, принятые

в союзных республиках декларации о суверенитете и иные акты дают основание говорить о тенденции к отказу от традиционной иерархии нормативного материала. Закон о собственности (имеется в виду Закон СССР от 6 марта 1990 г. № 1305-1 «О собственности в СССР». — Л.М.) уже можно изменять и дополнять, и, по-видимому, для нас скоро станет привычным состояние постоянной необходимости совершенствовать и важнейшие законы, приспособлять их к быстро меняющейся действительности». Справился ли наш правопорядок с этим состоянием окончательно?

Анализируя феномен крестьянского двора (фермерского хозяйства), автор пишет не только о договорной природе отношений между членами семьи, объединяющимися в эту хозяйственную единицу, но и о фигуре ее главы (фермер, домохозяин, «большак»). Опираясь на до-революционный и зарубежный опыт, Р.П. Мананкова анализирует лидирующую роль такого лица в этом сложном правоотношении.

Эти изыскания представляют сегодня интерес для тех цивилистов, кто разрабатывает модель простого товарищества, ведь одна из актуальных для отечественной науки проблем — феномен управляющего товарища, получивший квалификацию пока лишь только в ст. 356 ГК РФ и в ст. 4 Федерального закона от 31 декабря 2017 г. № 486-ФЗ «О синдицированном кредите (займе) и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Нельзя не заметить, кстати, что правовой статус такого управляющего товарища, как глава фермерского хозяйства, по сей день остается неопределенным.

Для ученого-юриста, занимавшегося в конце 80-х гг. прошлого столетия научными исследованиями в области семейных правоотношений, довольно смелой была постановка проблемы брачного договора (напомним, заключение брачного договора стало возможным лишь с 1 января 1995 г. благодаря введению в действие ст. 256 ГК РФ). В работе «Правовой статус членов семьи по советскому законодательству» Р.П. Мананкова посвящает брачному договору отдельный параграф и начинает его с убедительного разрушения стереотипа об отсутствии диспозитивности в семейном праве.

Профессор Мананкова была первым из советских ученых, кто так уверенно и аргументированно заявил о необходимости внедрения в семейное право договорных конструкций.

Не призывая к отмене законного режима имущества супругов, она пишет в 1990 г. о необходимости в дополнение к нему дать супругам возможность установить долевой режим имущества, предусмотреть условие о пользовании жильем после развода и т.д., ссылаясь при этом

как на зарубежный правовой опыт, так и на традиции русского и советского права. «Противостоять тенденции легализации брачных договоров, очевидно, невозможно потому, что она выражает потребность в более гибкой регламентации отношений между супругами», — пишет автор.

Любопытно заметить, что спустя 30 лет в практике семейных правоотношений актуален уже не вопрос об автономии воли супругов, а проблема допустимости вмешательства суда в брачный договор и корректировки содержания брачного договора через много лет после его заключения.

Профессор Мананкова некоторое время трудилась на кафедре уголовного права ТГУ, и автор этих строк уверен, что такое взаимодействие блестящего цивилиста с лучшими специалистами по уголовному праву взаимно обогатило их, да и всю томскую юридическую школу. Статья Раисы Петровны **«О некорректности некоторых частнопрововых формулировок в тексте Уголовного кодекса Российской Федерации»** (2016 г.) — один из лучших образцов взаимного проникновения столь разных отраслей материального права и практического анализа применимости норм уголовного права с точки зрения специалиста, представляющего иную область знаний.

Весьма содержательна также небольшое учебное пособие **«Трудовые сделки и гражданско-правовые договоры»** (2009 г.), написанная проф. Мананковой в соавторстве с профессором Томского государственного университета В.М. Лебедевым. Читателя наверняка заинтересует в этой книге доктрина «диффузии» в научном осмыслении правовой материи, а также идея разработки общей теории сделок, «полезной не только для гражданского, трудового, семейного права, но и в известной мере для административного, конституционного и других отраслей права». Эту работу завершает пророчество: «...общая теория договора вполне реальна как результат мирового опыта применения этого универсального инструмента».

Заслуживает самого пристального внимания и небольшая статья Раисы Петровны **«Современный этап отечественной цивилистики: достижения и ошибки»**, вышедшая в 2018 г. Автор пишет в ней о чрезмерной эксплуатации и обесценивании понятия «отрасль права», размывании критериев отраслеобразования, указывая, что в современной литературе упоминается о более чем 100 отраслях права и более 30 критериях разграничения отраслей вместо традиционных предмета и метода. «На полном серьезе отраслями называют футбольное право, модное право, фирменное право, деликтно-наказательное право, исправительно-лечебное